

?

Ранним утром в дверь постучал дворецкий.

Ли Чжися резко подорвался с кровати.

Спросонья он кое-как нащупал тапочки и поспешно спросил:

- Что случилось, молодой господин?

Услышав в ответ, что ничего страшного не произошло и его просто просят приехать как можно скорее, он с облегчением выдохнул, дал согласие и в спешке начал собираться.

В особняке давно установилось негласное правило, возникшее с тех пор, как Ши Цзяню потребовалось надолго уехать по делам.

Когда Ши Цзянь уезжал, Ли Чжися перебирался во флигель, чтобы жить вместе с персоналом особняка и присматривать за всем хозяйством.

А когда тот возвращался, Чжися съезжал обратно в основной дом.

Дверь в гостиную на верхнем этаже оказалась не заперта. Ли Чжися тихо постучал дважды и вошел, заметив на диване знакомый силуэт.

На Чу Юне был накинут лишь легкий халат, а руки были небрежно раскинуты по спинке дивана.

Ли Чжися лишь мельком взглянул на него, не смея издать ни звука. Он на цыпочках подошел к Чу Юню, остановился рядом и тихо позвал:

- Молодой господин.

- Я не могу вспомнить, - внезапно пробормотал Чу Юнь.

Его голос звучал совершенно обессиленно.

Ли Чжися замер на месте.

Чу Юнь медленно поднял голову и уставился на него.

Ли Чжися испугался.

Глаза Чу Юня были покрасневшими, брови плотно сдвинуты, а всё лицо выглядело изможденным и болезненным...

Все это заставило нервы Ли Чжися натянуться до предела.

- Я ведь уже виделся с этим стариканом? - Чу Юнь слегка склонил голову набок, и в его взгляде читалось крайнее недовольство. - Он ведь сказал что-то вроде «приятно было поработать», верно?

Ли Чжися почувствовал, как по спине пробежал холодный пот от нарастающего напряжения. Он лихорадочно соображал, как уговорить молодого господина отдохнуть, и одновременно пытался понять, о чем именно идет речь.

- Как давно он ушел? - прежде чем задать этот вопрос, Чу Юнь уже успел обдумать ситуацию, но подходящего ответа не нашел.

Как только эти слова сорвались с его губ, Ли Чжися мгновенно связал все воедино.

«Он» - это, разумеется, Ши Цзянь, а «старикан» - режиссер Чжэн Юаньшэн.

Ли Чжися выпрямился, слегка поклонился и быстро произнес:

- Я сейчас же свяжусь с помощником Сюем, чтобы узнать, в чем дело.

Чу Юнь смотрел, как фигура помощника исчезает из виду, и слышал доносящийся из коридора приглушенный голос, ведущий телефонный разговор. Его взгляд упал на длинноворсовый ковер под ногами.

Голова болела невыносимо. Стоило ему закрыть глаза, как в ушах начинал стоять оглушительный гул, а сердце колотилось так бешено, словно пыталось вырваться из груди. Раздражение стало почти физически ощутимым.

Чу Юнь был готов запустить руку внутрь себя, вырвать это сердце и разнести его в клочья.

- Хорошо, брат Сюй, я всё понял... - тихо произнес Ли Чжися, стоя за дверью, расспрашивая собеседника и внимательно слушая ответы.

- В это время, возможно, придется побеспокоить вас, чтобы вы всегда оставались со мной на связи, - виновато добавил Ли Чжися.

Сюй Ван, разумеется, всё прекрасно понял и по-доброму успокоил его парой коротких фраз.

Ли Чжися еще не успел выдохнуть, как из комнаты раздался грохот, от которого у него едва не остановилось сердце. Быстро придя в себя, он ускорил темп речи:

- Если у господина возникнут какие-либо изменения, пожалуйста, свяжитесь со мной как можно скорее!

Он поспешно повесил трубку и вернулся в комнату. Слуги уже убрали беспорядок: стеклянный стол и высокая ваза с узким горлышком разлетелись вдребезги.

На диване Чу Юня больше не было.

Ли Чжися взглянул на разбросанные по полу осколки и беспомощно предупредил:

- Осторожнее с осколками...

Горничная украдкой взглянула в сторону коридора и тихо объяснила:

- Молодой господин не удержался на ногах, это вышло случайно...

Ли Чжися побледнел от ужаса и в панике бросился следом.

Чу Юнь, прижимая ладонь ко лбу, шатался из стороны в сторону, словно в глубоком опьянении.

- Молодой господин! - с тревогой позвал Ли Чжися. Он не удержался и хотел поддержать его, но, сдерживаясь, не стал прикасаться к Чу Юню, лишь поспешно доложил: - Помощник Сюй сказал, что на съемочной площадке всё хорошо, работа уже успешно началась...

Чу Юнь, мучимый головной болью, опустил руку и бросил на него взгляд, в котором не было ни тени улыбки.

- Какое мне до этого дело?

Ли Чжися опустил голову, сделав вид, что ничего не слышал, и молча последовал за ним до самой двери спальни.

Чу Юнь толкнул дверь и обернулся:

- Долго ты еще собираешься таскаться за мной по пятам? Хочешь залезть ко мне под одеяло?

Ли Чжися осекся, остановился и, втянув голову в плечи, услышал, как за его спиной с грохотом захлопнулась дверь.

Он молча подумал, что стоит вызвать врача, но тут же представил, что в нынешнем состоянии Чу Юнь непременно вышвырнет его вместе с доктором за дверь.

Больницы были местом, которое Чу Юнь ненавидел всей душой, а врачи - людьми, которых он попросту не выносил.

Поразмыслив, он решил тихо отойти в прихожую и ждать там, чтобы в любой момент откликнуться на зов Чу Юня.

Чу Юнь рухнул на кровать, запутавшись в тяжелом двуспальном одеяле.

Он закрыл глаза, глубоко зарываясь в постель. В его голове словно сносили старый заводской цех - грохот и скрежет не прекращались ни на секунду.

Вчерашний разговор звучал в ушах, словно поезд, курсирующий по рельсам туда-сюда и проносящийся мимо со свистом.

Это не давало ни минуты покоя.

Внезапно дверь с шумом распахнулась.

Ли Чжися не успел среагировать и поспешно бросился следом:

- Молодой господин, вы куда...

Чу Юнь обернулся и зыркнул на него:

- Заткнись.

Ли Чжися плотно сжал губы, не смея отстать ни на шаг.

Чу Юнь дошел до гаража и уже занес ногу, намереваясь сесть на водительское сиденье, отчего Ли Чжися окончательно побледнел.

- Мо-молодой господин! - лицо Ли Чжися стало белее мела, он ухватился за поднятую дверцу машины, отказываясь отступить.

Они замерли в странном противостоянии на несколько секунд. Чу Юнь прищурился, долго смотрел на него, а затем усмехнулся.

Он грубо оттолкнул Ли Чжися и вышел из машины. Будучи в домашних тапочках, он со всей силы пнул сверкающий спорткар, а затем прошелся по всему ряду суперкаров, пиная каждый из них. В результате гараж наполнил несмолкаемый, раздражающий уши вой автомобильных сигнализаций.

У Ли Чжися мурашки побежали по коже.

Он только собрался догнать его, как Чу Юнь уже вернулся. С холодным лицом и скрещенными на груди руками он теперь стоял у пассажирского сиденья.

Сердце Ли Чжися бешено колотилось. Он выдохнул с облегчением и поспешно подбежал, чтобы открыть дверь для молодого господина.

Чу Юнь отмахнулся от его рук, когда тот попытался помочь с ремнем безопасности, и пристегнулся сам:

- Только попробуй вести машину неосторожно.

- Хорошо, хорошо, - Ли Чжися улыбался, ни капли не сердясь на молодого господина, и сев за руль, пристегнулся. - Молодой господин, куда мы направляемся?

В такую рань - неужели на работу?

Чу Юнь холодно уставился на заполненный гараж:

- Пить, - коротко бросил Чу Юнь.

- Хорошо, молодой господин... - отозвался Ли Чжися.

«Пить? В такое время?» - пронеслось в голове у помощника.

Ли Чжися замялся, осторожно покосился на молодого господина и тут же приложил палец к губам, имитируя заклеенный рот, давая понять, что больше не проронит ни слова.

Он уставился вперед, крепко сжал руль и, приняв крайне серьезный и профессиональный вид, повторил:

- Хорошо, молодой господин.

Макларен мощностью семьсот двадцати лошадиных сил, вопреки своей яростной природе, выехал из ворот особняка плавно и чинно, словно старик на утренней прогулке.

У Чу Юня продолжало гудеть в голове, а вид сосредоточенного Ли Чжися лишь раздражал его

еще больше.

Он просто закрыл глаза, стараясь отгородиться от всего мира.

- Молодой господин, может, поедем в клуб Равноденствие? Можем попросить их подготовить отдельный кабинет с видом на озеро, - осторожно предложил Ли Чжися.

Одного ледяного взгляда Чу Юня хватило, чтобы оборвать любые дальнейшие попытки завязать разговор.

Ли Чжися плотно сжал губы, понимая, что сейчас лучшее решение - просто позвонить в клуб напрямую и всё организовать без лишних слов.

Болтун наконец умолк. Чу Юнь, нахмурившись, снова закрыл глаза.

Ему отчаянно хотелось спать, но сон не шел.

Усталость и пугающая ясность сознания противоречиво сталкивались в его нервной системе, вызывая небывалое, почти физическое раздражение.

Голос Ши Цзяня то и дело всплывал в памяти, эхом отдаваясь в мыслях. Чу Юнь сжал кончики пальцев, чувствуя, как в груди становится невыносимо тесно.

Он мысленно зарылся в одеяло, пытаясь найти утешение, но не почувствовал того самого, привычного запаха.

Чу Юнь сдерживался, сдерживался изо всех сил, но в какой-то момент понял, что больше не может терпеть ни секунды.

Когда он стремительно вылетал из дома и садился в машину, он вовсе не думал о том, чтобы просто выпить.

Он хотел в Париж.

Он хотел найти того, кого искал.

Почему этот чертов мир смеет ограничивать его?

Ли Чжися, преградив ему путь своим присутствием и заботой, невольно дал этому импульсу время на угасание, приглушив сиюминутное безрассудство.

Чу Юнь раз за разом отступал, и струна в его голове была уже натянута до предела, готовая лопнуть в любой момент.

Если...

Он сжал кулаки, и в его воображении возник образ Ши Цзяня. Чу Юнь горько усмехнулся.

Если кто-то еще посмеет пойти против него, даже самую малость, он не выдержит и силой притащит его прямо со съемочной площадки.

А что касается съемок, симпатий публики или огромных компенсаций - для него всё это теперь было пустым звуком.

Он хотел лишь одного...

Чу Юнь открыл глаза и повернул голову к окну.

Видеть того, кого хочешь видеть, стоит лишь открыть глаза; обнять того, кого хочешь обнять, стоит лишь протянуть руку; а когда не хватает слов – просто слиться воедино, изливая все свои чувства в криках, которые не нужно сдерживать.

Это и была та простая, обыденная жизнь, которой он так жаждал.

Разве это так сложно?

Чу Юнь пребывал в глубоко дурном расположении духа.

Машина уже въехала в частный лесной массив у озера, который казался бесконечным. Когда они подъехали к главному зданию, официант, с раннего утра ожидавший у входа, увидев знакомый номерной знак, тут же поспешил навстречу.

- Господин Чу, доброе утро.

В таком закрытом клубе всегда найдутся люди, чью личность не нужно проверять по документам.

Чу Юнь, разумеется, был одним из таких привилегированных гостей.

Парковщик принял машину.

Ли Чжися незаметно сунул чаевые персоналу и тихо распорядился:

- Позже приедет сотрудник, чтобы доставить одежду, пожалуйста, проводите её внутрь.

Закончив с формальностями, он поспешно последовал за Чу Юнем.

Менеджер, специально пришедший встретить гостя, с подобающей профессиональной улыбкой произнес:

- Господин Чу, всё готово, как и просил помощник Ли.

Его, конечно, совершенно не волновало, приехал ли молодой господин Чу посреди ночи или ранним утром, и уж тем более он не обращал внимания на тот факт, что гость был в домашнем халате и тапочках.

Лифт доставил их на третий этаж, где в этот час никого не было – доступ в эту зону открыли специально для Чу Юня.

Тапочки Чу Юня глухо шлепали по пустому коридору, и этот звук раздражал его еще сильнее.

Сомелье ждал за дверью и, увидев Чу Юня, тут же распахнул её:

- Господин Чу, прошу вас.

- Я откупорил для вас сладкое белое вино «Шато д'Икем» 1990 года. Нужно ли мне остаться для обслуживания?

Ли Чжися, умевший виртуозно читать ситуацию, всю дорогу раздавал чаевые и поспешно ответил:

- Не нужно, если понадобится помощь, я позову.

- Хорошо.

Дверь кабинки закрылась, окончательно отрезав все звуки внешнего мира.

Чу Юнь уже сидел перед огромным панорамным окном, с холодным, непроницаемым лицом глядя на гладь озера. Он сам налил себе вина и одним глотком осушил бокал.

Ли Чжися хотел было остановить его, но вовремя промолчал – и так было очевидно, что молодой господин не в духе, поэтому он решил и дальше держать рот на замке.

Он тихо вышел из кабинки, чтобы позвонить и попросить доставить сменную одежду.

Как только он повесил трубку, к нему с вежливой улыбкой подошла женщина в безупречном костюме от Диор.

Это была PR-менеджер клуба:

- Господину Чу нужно...

Ли Чжися мгновенно насторожился и нахмурился.

Он убрал телефон и с серьезным, искренним выражением лица ответил:

- Я уже сказал, нам не нужны никакие дополнительные услуги.

«Репутация» Чу Юня была широко известна, и менеджер, полагая, что они «понимают друг друга без слов», считала, что удовлетворение «базовых предпочтений» таких дорогих гостей – это их сильнейшая сторона.

Заметив, что ситуация накаляется, менеджер клуба поспешила извиниться.

Ли Чжися по-доброму кивнул и не стал продолжать спор.

На самом деле, персонал клуба втайне тоже пребывал в недоумении.

Словосочетание «распутный богач» давно стало синонимом имени Чу Юня в светских газетах. Конечно, они искренне хотели угодить дорогому гостю, и не то чтобы они не пытались предлагать ему подходящую компанию.

Они прекрасно знали, что нужно клиентам такого уровня.

Умение поддержать беседу, безупречное воспитание, способность появляться на официальных мероприятиях, не теряясь на фоне элиты, – они не называли это «специальными услугами». Все предлагаемые кандидаты были представителями высшего общества, просто зарабатывающими деньги через «особые каналы».

Российские балерины, метисы, изучающие историю искусств в Женеве, красавцы, работающие в Сотеби... Те, кого они представляли Чу Юню, были первоклассными, умными, красивыми и с блестящим послужным списком, и все они с удовольствием пили с ним вино.

Однако он так ни на кого и не запал.

«А этот человек, случаем... не импотент?» – задавались вопросом в кулуарах.

Почему только громкие слова, а на деле – ничего?

В конце концов, в этом нет ничего постыдного; среди гуляющих молодых господ и крупных боссов полно тех, у кого есть определенные проблемы. Достаточно выпить пару таблеток, и дело с концом. Персонал даже был готов предоставить их бесплатно.

Ли Чжися, конечно, не знал обо всех этих хитросплетениях в их головах.

Он лишь лучше всех остальных знал, что молодой господин не подпустит к себе никого.

Столько лет единственным человеком, который мог спать рядом с молодым господином, был тот самый, кто сейчас заставлял его так мучительно страдать.

Молодой господин: – Это ты импотент! И вся твоя семья – импотенты!

<http://bllate.org/book/17941/1720636>